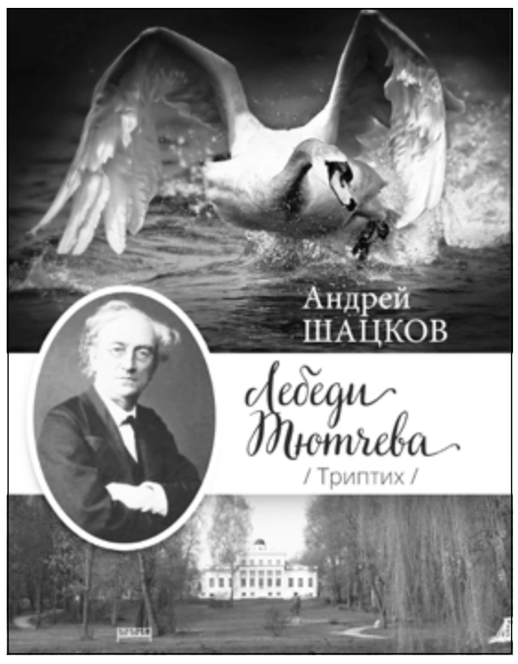

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Ностальгия по России

Триптих Андрея Шацкова «Лебеди Тютчева»

Для высокой русской литературы имя Федора Ивановича Тютчева – драгоценно. Однако сегодня любой либеральный версификатор может фамильярно использовать его в своих опусах, представляя великого поэта в том или ином глупом ракурсе, одновременно показывая собственную искушенность в жизни, философии, любви, житейском успехе. И в этом скажутся не только личные ничтожные свойства подобного автора, но и само время, провоцирующее читателя на пошлое «творческое» равенство. В подлинно русской культуре принято относиться к фигурам такого масштаба с вниманием и глубоким уважением, а тайны их поэзии и судьбы разгадывать неустанно и многократно. И уже в этом скажется удивительная преемственность нашей литературы.

Стихотворный триптих Андрея Шацкова «Лебеди Тютчева» – произведение необычное для отечественной лирики начала XXI века. Здесь есть картины древней русской истории времен Куликовской битвы, увиденные взглядом современного наблюдателя. Затем пристальное око автора проникает в кабинет поэта, переносится на простор усадьбы в Овстуге. А в финале, словно соединяясь с многоликим русским читателем, растворяется в образе литературного паломника и патриота, размышляющего о значении Федора Тютчева и о будущем России.

В триптихе акцентирована, скорее, историко-философская грань биографии и судьбы Тютчева, а собственно стихи его оставлены за скобками. Поэт является нам как мыслитель и человек, но интонация его стихотворений неявно живет в нашей памяти. Сказанное автором и подразумеваемое, только обозначенное и показанное вполне зримо сменяют друг друга в триптихе Андрея Шацкова, исподволь подводя читателя к чувству соприкосновения с важными вехами на пути России во времени и пространстве.

В части, посвященной Захарию Тютчеву, порученцу Великого князя Дмитрия Донского, изображается миссия русского посланца в столицу Золотой Орды к хану Мамаю весной 1380 года – первая служба в роду Тютчевых, столь значительно повлиявшая на последующие события. Тайно юноша Захарий, *«испытанный разумом и смыслом»*, как свидетельствует «Сказание о Мамаевом побоище», встретился с князем Олегом Рязанским и передал ему письмо князя Дмитрия. Как известно, Рязань должна была поддержать Мамая, но этого впоследствии не произошло. Захарий отправил в Москву тайное известие о рязанском выборе.

…хану, жадному до дани,
Вовеки было невдомек,
Что ты – в Олеговой Рязани
О русском братстве речи рек…
<…>
И ты в душе гордился, Тютчев
Из рода Тютчевых – Захар,
Что будет дело всяко лучше,
Когда в Москву рязанский дар
Доставишь в срок, спеша с ответом,
Взбежав на Красное крыльцо.
Чтоб князь, уведавший об этом,
Разгладил хмурое лицо.

Здесь дается знак единения русской земли и впервые высвечивается будущая «объединительная» роль Тютчева-поэта. А в сентябре, перед самым началом Куликовской битвы, в небесной синеве «сопровождая княжью рать», летит стая белых лебедей. Их расправленные крылья станут важной деталью родового герба Федора Тютчева.

Вторая часть триптиха являет нам образ поэта и государственного мужа, не нашедшего себе подобающего места в социальном устройстве империи. Его прозорливые суждения о России как будто повисают в воздухе и остаются не востребованными Николаем I. А жизненный путь упирается в одиночество. О многом говорит известное тютчевское стихотворение «Все отнял у меня казнящий Бог…» – но однажды у автора этих пронзительных строк будет отобрана и последняя любовь, которая еще связывала поэта с небесами. Формула Грибоедова «Горе от ума» соединяется с биографией Тютчева, и такая проекция творчества и судьбы кажется единственно верной. Одинокая фигура русского гения и провидца «не вошла» в свою эпоху, не слилась с нею, а была как будто рядом, печальная и непонятая современниками. Но белые лебеди все-таки остаются едва уловимым символом надмирной привязки Тютчева к родной истории:

Их выводок плещет в заветном пруду,
И ходит эскадренным строем по кругу…
Я к ним попрощаться с поклоном приду.
И горького хлеба отрежу краюху.

А нежность…
пусть нежность останется там –
В чугунном затворе усадьбы ограды.
В небрежно доверенной тайне – листам,
В которых поэту – не надо пощады!

Два исторических раздела триптиха по языку и интонации порой кажутся слегка архаичными. Однако в подобном звучании стиха присутствует некоторое обозначение дистанции между нынешним мгновением и давним – той временной толщи, которая отделяет нас от событий минувшего. Напротив, заключительная часть этого триединого произведения отличается живой и свободной речью, уже знакомой читателю по иным лирическим созданиям Андрея Шацкова. Здесь веет воздух нашего столетия, наэлектризованный интуициями Тютчева, его поэтическими формулами и ностальгией по России: реальной, из Европы едва «видной» – и возможной, очертания которой хранятся в уме и сердце. Очень важным видится как будто самое общее лирическое заключение:

Нам не прожить без Тютчевской России,
И ей, наверно, не прожить без нас.

Дань уважения гениальному поэту нераздельна с внутренними обязательствами современного русского человека исполнить свой духовный и родовой долг и воплотить в зримой материи и в безусловном нравственном законе прозрения великих предков.

Триптих Андрея Шацкова, изданный отдельной маленькой книжкой, проиллюстрированный историческими сюжетами и фотографиями усадьбы в Овстуге, есть явление, прежде всего, художественно-просветительского характера. Стихи, обозначая вехи прошлого и мимолетно заглядывая в будущее, словно находятся на службе у памяти – здесь литература, умаляя себя, растворяется в мировоззрении.

И это для смутного времени начала нового тысячелетия – еще один шаг к чистоте и ясности.

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)

Торжество яркого реализма

О книге Юрия Манакова «Таёжных кряжей родники»

Повесть Юрия Манакова «Таёжных кряжей родники» выпущена отдельной книгой в Усть-Каменогорске, в 2020 году. Это не первое издание удивительного по кряжистой силе слов и образов произведения: оно было выпущено в электронном издании «Днём литературы» в том же 2020 году, почти одновременно с полиграфической версией.

Это удивительное средостение между традиционным критическим реализмом правдоподобного вымысла и мемуарами, редко встречающийся в литературе феномен. Я бы назвал его «мемуары друга». То есть очень тщательно проработанный, дополненный, где нужно, вымыслом автора рассказ друга, находящийся, как стержень, в самой сердцевине повествования. Мемуары пишут о себе (и здесь очень знаменит пример творчества Сергея Тимофеевича Аксакова), критический реализм усреднено обобщает среду пребывания, позволяя выцедить и сконцентрировать правду жизни с помощью авторской композиции.

А если сделать как Манаков – то есть положить воспоминания друга о пережитом и остро прочувствованном в основу художественного изложения, не оставляя и творческих инструментов критического реализма, подкрепляя ими воспоминания, дышащие и подкупающие своей откровенностью, – то методы мемуарной литературы и критического реализма усиливают друг друга.

Это совсем не тот случай, когда сел и записал, чего рассказывают. Однако ощущение незримого присутствия чуждого всякому лукавству рассказчика-друга всё же присутствует в суровой правдивости строк, в жизненной отчётливости и человечности, заставляющей доверять каждой букве, каждой запятой текста.

Вообще Манаков, как автор – мастер аграрного романа, от канонов которого в новой книге частично отходит. У Манакова – земля, поля, выгоны, леса и горы, природа – всегда часть человека. Не отдельный персонаж (как у аристократов-охотников, писавших по случаю), а сиамский близнец, неразрывно слитый с литературным героем. Человека у Манакова и не вообразишь без сибирских просторов, без этого образующего личность начала, на котором всякий манаковский персонаж, как чай, крепко заварен. Природа не просто соседствует с человеком, пугая или восхищая отстранённо – она формирует персонажа, фотографически отпечатывается во всём его человеческом складе. Поэтому особенность манаковской манеры письма – постоянно перетекающие в характеристику личности пейзажи и наоборот, внутренние свойства характера, перетекающие в окружающие пейзажи.

«Таёжных кряжей родники» – тоже строится на этом. Литературный герой не просто анкетно родился и вырос в определённой точке на карте. Нет, он повсюду возит свой край с собой, он соткан из родных мест, как из элементов: таёжные кряжи формировали его силу, а родники – духовную тонкость, чуткость…

Однако в этот раз Манаков разрывает ткань аграрной романистики, главная особенность которой – психологическое уравнивание «мира» и «міра», планеты и крестьянской общины на селе, пространства и своей общины. Мастера аграрного романа, которых в русской литературе немало, умели отразить в капле небо, в микрокосме деревенских судеб – макрокосм человечества. Но тысячелетний «мір», в котором селянин родился жил и умирал, никуда не выходя на сторону, – поневоле размыкается в XX веке. Никакая ностальгия уже не может удержать человека на месте – как во времена непроходимых дебрей и редкой населённости.

Человек выходит из «міра» в мир, из общины, в которой все всех знают – к чужим и незнакомым, дальним «ближним». Один из планов книги Манакова – о драме и психологических тонкостях этого выхода, не предусматривающего разрыв. Человек видит новые дали, новые края – так не похожие на впечатления детства, его личность и характер, сформированные тайгой, в тайге и для тайги – проверяются на излом, на прочность, необозримым океаном и вьетнамскими джунглями. Всё чужое, все чужие – но человек остаётся собой.

Повесть – не просто о судьбе человека. В ней отчетливы мотивы поиска русской мечты и образа нашего желанного будущего, в ней – деятельный патриотизм, лишённый трескучих речей, проявляющийся порой молчаливо, но явственно.

Самим существованием России в сегодняшних границах мы обязаны таким деятельным патриотам, как в повести Манакова, которые, вначале отстояли независимость нашего государства, а затем обеспечили расширение его границ.

Это бурлящая активность сильных духом и мечтающих о славе Государства Российского патриотов – живая энергетика, необходимая для развития страны. Причем для развития как территориального и экономического, так и культурного.

Нам нужны такие книги. И тиражами побольше! Внимание к ним надобно всячески привлекать: наш государственный корабль изрядно проштормило и он ещё вчера бился о скалы без капитана за штурвалом, двигался лишь по инерции.

Важно видеть героев не в жулье, обустроившем лондонские гнёздышки, а в тех, кто не забывал своих кряжей. А таких много: это обычные люди на предприятиях, в больницах, в школах, в армии, в милиции-полиции, которые, порой без зарплат и ясных перспектив, делали свое дело, как герой Манакова и большинство окружающих его персонажей повести.

Когда писательница Лидия Сычева опубликовала Рекомендованный список авторов для прослушиваний на актерский факультет МХАТ, я не поверил своим глазам. Как опытный литератор и журналист, профессионал в сфере образования и культуры я много повидал и прочитал, но такой дикой вкусовщины и провокационности в государственном вузе – просто представить себе не мог. Там – больше двухсот фамилий – это конец света. Хотелось дать сразу задание студентам литтворчества МГИК для семинара по современной литературе, но решил оставить для финального экзамена пятикурсникам, для подведения итогов на знание сегодняшней литературы и понимание культурной политики. Итак, задание:

– Просмотрите список авторов и честно отметьте прямо в тексте, кто из них вам знаком по личному чтению (Ч), лишь упоминанию в СМИ и слухам (С), кто просто неведом (Н)?

– Кого бы сами вы посчитали достойными оставить в списке для чтения юными абитуриентами (+), кого бы вы решительно исключили из списка (–), а кого бы сами с удовольствием прочитали, окажись вы на таком испытании (!)?

– Прокомментируйте кратко, о *чём* говорит этот список, какие культурологические и идеологические тенденции высвечивает? Что лично сказали бы ректору Школы МХАТ И.Я. Золотовицкому, доведись вам обсуждать этот список в доверительной обстановке?

Они – ответили. Это было любопытно и поучительно. Результаты меня порадовали: не все ещё молодые – рехнулись, развратились и погрузились в либеральные игры!

Светлана Зобкова честно написала: «Отправляю ответ на экзамен, никого не искала в интернете, все писала из своих предпочтений и знаний. Но список спорный… была удивлена. Спасибо, что дали такое необычное задание, есть о чем поразмышлять». Её рассуждения искренни и, я бы сказал, типичны для молодой образованной русской читательницы. Она честно написала, что многих не знает и вообще высказалась мягко, но решительно: «Я бы не стала читать такой список. Мне не 13 лет, чтобы я плакала под АхАстахову, Оксимирона и Полозкову. Получила бы неуд на экзамене, зато сохранила бы свой разум чистым».

Далее Света делает главный вывод: «Я не хочу, чтобы мои дети в школе проходили Соло Монову, АхАстахову, Глуховского, Сорокина и т.д. наравне с Есениным, Маканиным, Цветаевой, Булгаковым».

Тут я с ней согласен. И я не хочу такого для внуков! Когда я прочитал этот список, то у меня глаза на лоб полезли: Господи, что же рекомендуют школьникам, кандидатам на актёров великой реалистической школы МХАТа? Это ж просто диверсия! Но ещё и мысль сразу пришла: «Вот как надо взращивать своих по мировосприятию, вот как надо ковать свою культуру (или псевдокультуру) в стенах государственного вуза – даже если это русофоб и антипутинист Орлуша, разрушительная постмодернистка Горалик из Украины, граждане Израиля Иртенев и Боссарт, которую за стишки, оскорбившие израильских солдаток, перестали печатать и приглашать на выступления. Добро пожаловать во МХАТ, пусть виртуально, в форме жалкого чтения!

Повторяю, я не могу понять, кто такой «либеральный поэт». Мой любимейший поэт Александр Блок повторял: «Я – художник, а, следовательно, не либерал. Объяснять это считаю излишним». Но я вынужден объясниться: Денис слушал, например, два семестра мои лекции по курсу «Литературное творчество. Поэзия», которые потом стали пособием «Наряд для Венера Милосской». У него память отшибло, кого я там цитирую, привожу в пример из поэтов второй половины XX века – Заболоцкий и Самойлов, Соколов и Евтушенко, Межиров и Боков… Они разные, но кто из них НЕлиберальный? Просто стыдно читать эту юную демагогию. Не ожидал…

Я ведь и к списку мхатовскому главные претензии предъявляю перед лицом великой русской поэзии, а не из кухонных пристрастий. Пишу: «Но самое большое недоумение: в огромном списке поэтов – от Андрея Дементьева до Олега Чухонцева – нет, например, элементарно! их ровесников: Евтушенко и Рубцова, Вознесенского и Соколова, Рейна и Кузнецова. Нет Бродского, наконец! Помрачение или какой-то сигнал?». И тогда четверокурсник Эмил Карабаджак, даже не вчитавшись в фамилии, начинает меня учить уму-разуму: «Потому что Oxxxymirona и АхАстахову читают или слушают больше платежеспособных людей. Нет и Андрея Дементьева, и Олега Чухонцева (они как раз есть, пора уже научиться читать, чему возражаешь! – *А.Б.*), и Евтушенко, и Рубцова, Вознесенского и Соколова, Рейна и Кузнецова. Потому что они не смогли конкурировать. Может быть, их не смогли разрекламировать, или они просто совсем не интересны большим массам. И никакие мысли о "падении морали" или "потере вкуса и образовании" не помогут».

Раздумья под троицкими берёзами

Александр БОБРОВ

Мхатовский список – бред или сигнал?

– В условиях ограниченного времени все поняли суть задания и форму выполнения. За 40 минут проявили и знания, и сообразительность, и литераторскую честность.

– Все выпускники показали, что ориентируются в современной литературной и шире – культурологической политике, знают современную прозу и поэзию, даже в предложенном дилетантски-провокационном варианте.

– Все студенты сумели оперативно, внятно, искренне выразить свою позицию: и литературно-критическую, и человеческую.

Теперь несколько слов о том, что остановило внимание, удивило, расстроило или развеселило. Например, мне стало обидно, что никто не читал и даже не слышал про Илью Бояшова. А ведь по его роману «Танкист, или "Белый тигр"» режиссёр Шахназаров снял неплохой фильм. Но всё настоящее – сегодня тонет в информационно-рекламной мути.

Даже самый молодой член Союза писателей, уже известный критик Яна Сафронова, которая первой прислала ответ, до истечения 40 минут, при всей своей начитанности про 6 авторов – только слышала, а 60 – не знает совсем! В том числе и навязываемого чтением Михаила Ефремова в соцсетях подловатого и плоского Орлуши.

Это и хорошо, что голова не забита, но меня несколько озадачило то, что она не знает, например, Нину Искренко, Дмитрия Новикова или Александра Ерёменко и Ивана Жданова – наших метаметафористов, недавних баловней определённой части критиков и литизданий, особенно зарубежных. Например, критик Владимир Куницын и другие недавно пропели славицу Ивану Жданову в честь юбилея. А молодой критик – совсем не знает…

Но это не её пробел в образовании, а признак того, как преходяща конъюнктура, в том числе – окололитературная. Она написала: «Начала расставлять плюсы и минусы и поняла, что убрала бы почти всех, а сама бы не захотела прочитать на месте будущих абитуриентов никого… Ректору я бы также доверительно сказала, что на такой литературе актёра чувствующего, думающего – не вырастишь, а лишь – придуряющегося. И что этот список – фальсификация русской словесности, подмена настоящих имён деланым. В нём нет даже попытки объективности, я бы приняла некоторые имена, если бы они соседствовали с полярными им и давали бы обширное представление о современной литературе. Здесь же – чей-то очень частный и невзыскательный вкус».

Семён Карелин – прозаик. Характерно, что из поэтического огромного списка у него 83 – неведомых автора, среди них Игорь Иртеньев, который не вылезал из телевизора, когда Семён в школу пошёл. А про 6 поэтов – он только слышал. Среди них классик определённого крыла поэзии Олег Чухонцев и Вера Павлова, которую наш второкурсник Максим Короткевич считает лучшим поэтом современности. Вот такой разброс вкусов у молодых современников, и вот так быстро линяют навязываемые кумиры…

Карелин честно начал ставить минусы, кого читал, но не рекомендует для чтения на экзамене. Потом – бросил. Можно так считать, что тоже никого… Ещё он не слышал даже о лауреате всех премий Ольге Славниковой и гражданине Эстонии Михаиле Веллере, который совсем недавно доставал россиян советами и суждениями в эфире, пока его не выгнали, но Роспечать – кругом приглашает.

Это признак отстранённости и нелюбопытства или здоровое отторжение? Такой вопрос не раз всплывал.

Зато наша продвинутая поэтесса Маргарита Болотова проявила знание даже тех поэтов, о которых и я не слышал, но не знает совсем Евгения Водолазкина, которого назначили новым классиком из Питера и вручают премию за премией, хотя он пишет всё хуже и хуже.

У неё всего 32 – неведомых автора, но среди них – упомянутый Олег Чухонцев! Аж 36 – Маргарита рекомендовала бы читать бедным абитуриентам, а четверых – сама бы прочитала, включая испепеленного другими Oxxxymirona и – АхАстахову! Карелин задался ироничным вопросом: «Но кто составлял эти списки? И зачем там Оксимирон и Глуховский? Смеха ради?». Нет, Семён, чтоб наша Маргарита с яркими волосами так зачла, что приёмная комиссия бы – вздрогнула! Но и она, единственно читавшая поэтессу и журналистку Боссарт, которая своими стихами настроила против себя Израиль, где теперь живёт, не знает бедного Олега Чухонцева… Загадка.

Но самое большое недоумение: в огромном списке поэтов – от Андрея Дементьева до Олега Чухонцева – нет, например, элементарно! их ровесников: Евтушенко и Рубцова, Вознесенского и Соколова, Рейна и Кузнецова. Нет Бродского, наконец! Помрачение или какой-то сигнал?

Почти все из списка, за редким исключением, вроде Прилепина и Бояшова, против «этой страны», против традиционности, патриота-президента и Рашки, которая будет продолжать валить деньги МХАТу. Но – сильны! Пусть совсем неизвестные, не состоявшиеся, но – свои! В этом безразмерном списке нет никакого рационального зерна – это просто какие-то метки заповедной территории. Это – сигнал молодым и вызов всем официальным кураторам культуры: советникам Путина – Сергею Кириенко и Владимиру Толстому, министру Ольге Любимовой… Или они только на словах за патриотизм и государственность?

Все отвечающие спрашивали, а кто же придумал такие случайные (или сознательные) списки? За справками можно обратиться в школу-студию: Хохлова Наталья Аркадьевна Проректор по учебной работе *(hohlova@mxat-school.ru)*.

Опубликовал на сайте заданий студентам МГИК результаты экзамена, и тогда вдруг вскинулись два моих вольнолюбивых студента, пытаясь срезать своего замшелого преподавателя. Я не хотел и отвечать – бесполезно, но всё-таки после похода в Никольский храм селе Мансурово, где почему-то не было травы на полу и березового убранства, решил ответить в духовный праздник. Пришлось им написать ответ под троицкими берёзами.

Многие молодые, конечно, не знают или не до конца понимают суть великого праздника – Троицы, которая отмечается на пятидесятый день после Пасхи, отсюда другое название праздника − Пятидесятница. Согласно Писанию, Христос пообещал своим ученикам прислать Святого Духа после своего Вознесения. Так и произошло: на пятидесятый день после Воскресения апостолы увидели огненные языки, которые почили на каждом из них. После этого они стали говорить на разных языках и проповедовать слово Божье.

Да, мы порой говорим на разных языках не только лингвистически, но и смыслово, ментально, как сегодня выражаются. Но про слово Божье – забывать нельзя!

Из всех двунадесятых праздников – Сретение и особенно Троица – для меня особенно литературные, если не кощунственно так сказать. Они связаны с прозрением, с высшей вестью, с откровением и Словом. «И Слово было Бог». Автор стихотворения «Слово» Николай Гумилев много лет руководил студией, поэтическим кружком, приветствовал любое новаторство. Но и сам помнил уроки первой жены. Анна Ахматова в заметках «О Гумилёве» писала: «В 1916 г., когда я жалела, что все так странно сложилось, он сказал: «Нет, ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Сегодня такое обучение, по мнению некоторых молодых, и в личной, и в общественной жизни – просто смехотворно.

Но я всё-таки отвечу двум моим юным оппонентам, которые почти ни на какие задания онлайн не реагировали, но на мои заметки на сайте по списку Школы МХАТ – просто вскинулись, хотя я им и задания такого не успел дать… Стало привычным употреблять, даже в профессиональной критике, условные, размытые выражения: писатели либерального направления или поэты либерального круга – причём, каждый опирается на свои критерии, но, в общем, понятно, что вкладывается в это определение. Но мои «свободолюбивые студенты» пошли дальше, демонстрируя солидарность с расхристанным списком Школы МХАТ, стали прямо говорить про «либеральных писателей», «либеральных поэтов». На эту беспомощную квалификацию я им сразу хочу сказать, что самый либеральный поэт – Пушкин! Он – и самый западник, и самый славянофил. А Орлуша из списка, который пишет так про Пушкина – не либерал, а просто подонок:

Если б Пушкина не знали,
Или был бы он м..ак,
В честь него бы не назвали
В центре города кабак.
Отращу себе на роже
Бакенбарды там и тут,
В честь меня тогда, быть может,
Где-то что-то назовут.

Нравится? При этом я, принимающий любые самостоятельные суждения молодых студентов и даже приветствующий их, неприятно поразился, что третьекурсник Денис Зеленцов захотел сделать из меня откровенного дурака или какого-то замшелого охранителя: «Вот только беда в том, что все ограничены только своим мировоззрением и политическими симпатиями. Русскому либералу дашь список – он впишет либералов. Русскому консерватору – он впишет своих. Если бы вдруг случилось так, что вы, Александр Александрович, должны были составить такой список литературных рекомендаций, как мне видится, надеюсь, что ошибаюсь, – ни одного либерального поэта и прозаика там не оказалось бы».

О, вот тут я могу ответить столь же цинично: ну, коль они все, как утверждает Эмил, такие успешные, конкурентоспособные, состоятельные – и сам ректор Золотовицкий в 2018 году заработал лично почти 12 миллионов, и их любимыми авторами богачи зачитываются – чего ж они не создадут частную школу, а паразитируют на теле государства и нищающего народа? МХАТ, уродующий классику постановками Богомолова и Крымова, получает в этом больном году от минкульта 2,7 млрд. руб., хвастаясь своими аншлагами и дорогущими билетами (для сравнения вчера Владимир Путин прослушал доклад о республиканской библиотеке Калмыкии: ввели в строй за 600 млн. – и строительство, и комплектация, – т.е. дотация МХАТ – это 4 республиканских библиотеки!).

Ну да, искусство надо поддерживать на государственном уровне. Но какое? МХАТ – это не просто символ и бренд дорогостоящий, это традиция, заветы самого Станиславского. Какие же они? Один из главных такой: «Искусство должно раскрывать глаза на идеалы, самим народом созданные». Многие авторы, включённые в безразмерный список, откровенные пустозвоны – не следуют завету Станиславского, не только не выражают эти идеалы, но прямо разрушают их или осмеивают.

В государственном вузе Золотовицкий готовит актёров не для СВОЕГО коммерческого театра (ради бога – пусть создаст!), не для «своей волны», а для театра, созданного Станиславским, который утверждал: «Красиво не то, что по-театральному ослепляет и дурманит зрителя. Красиво то, что возвышает жизнь человеческого духа на сцене и со сцены, то есть чувства и мысли артистов и зрителей».

Эмил, ты уверен, что хотя бы десятая часть из обширного и случайного списка поможет воспитать актера и зрителя с такими высокими, а не удобными для кого-то чувствами? Впрочем, твой вкус, оказывается, ничто не может обидеть. Даже плоские матерные стихи некоторых рекомендованных – если с выражением прочитать на вступительном, точно поступишь к Золотовицкому. И твоё резюме попахивает не иронией, а таким вот «либерализмом»: «А то, что это может обижать чей-то вкус или предпочтения, совершенно не имеет никакой силы. Если бы при составлении списка авторов они бы обращали на это внимание, тогда бы они могли позвать А.А. Боброва на консультацию. Но увы, они решили пренебречь такой возможностью».

Мне не надо, чтобы меня такие ректор и проректор по учебной работе «звали», но смолчать – не мог. И эти суждения очень многие истинно талантливые русские люди – поддержали. Некоторые на подобные соображения, я знаю, напишут: ребята дерзят, они ещё не понимают, они поумнеют. С такой культурно-информационной политикой, с такими ректорами, театрами и СМИ – не знаю, не убеждён, увы…

К сожалению, власть для демонстрации свободомыслия в России избрала круг "разрешённых оппозиционеров", куда входят, например, друг Марии Захаровой из МИДа – Алексей Венедиктов и круг его любимчиков с "Эха Москвы".

Например, Дмитрий Быков – учитель молодых и старых диванных диссидентов – вещает на «Эхе Москвы»: «Просто я тогда же говорил, что если Россия не включит в очередной раз режим «осажденной крепости», то в ней произойдут либеральные, демократические перемены, а если включит, то мы получим патриотическое безумие чудовищного накала и градуса, что мы и получили».

А в чём «патриотическое безумие»? – в том, что президент Путин в условиях пандемии заявил на экране, что наша идеология – «Патриотизм, но без квасного патриотизма», а три чиновника на экране же мантру повторили, а в это время в Кронштадте студентки института культуры (!) жарят колбаски на Вечном огне, их ровесники впаривают в Бессмертный полк портреты Гитлера и Власова, а сам Быков мечтает написать книгу о генерале-предателе? Да волна казённого патриотизма просто захлестнула и смыла реальное чувство любви и уважения к Родине! А Кремль и многие его СМИ затеяли эту игу в либерализм «для прикормленных своих».

Но даю добрый совет: не повторяйте "вольных" перлов многих рекомендованных авторов: сядешь за текст!

Много проблем скопилось и обострилось в условиях пандемии и самоизоляции, в том числе – в сфере выхолощенного дистанционного образования. Пора возвращаться к нормальной жизни, к здравому смыслу, к духовным ценностям, к национальным истокам, которые и помогут выстоять в этом безумном мире, где западнические ценности – рухнули окончательно!

Тревожно и призывно шумят июньские берёзы…